

Дмитрий Видинеев

18+

Сказка про нациста

У всякого поступка есть цена

Дмитрий Александрович Видинеев

Сказка про нациста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63043926

SelfPub; 2020

Аннотация

У всякого поступка есть цена, но Антон Козлов по кличке Мелкий Клаус об этом не задумывался. А зря, возможно, избежал бы того кошмара, что уготовила ему судьба.

Бежать, бежать, бежать! Пока дышалки хватит! Пока ноги держат!

Паника гнала Антона Козлова по кличке Мелкий Клаус всё дальше и дальше в лес. В ночной темени, обливаясь потом, он продирался сквозь кустарники, натыкался на деревья, падал, вставал и снова бежал. Ему мерещилось, что за ним гонятся. Остановишься – и кранты. Чёрные его точно грохнут. Прирежут, как он прирезал одного из них. У дагеров принцип – кровь за кровь. Зверюги! Гвоздя и остальных пацанов наверняка уже отмудохали до полусмерти. Вот же засада! Один он сумел смыться.

Бежать, бежать, бежать!

Жить хотелось невыносимо.

А ведь какая намечалась акция! Целую неделю к ней готовились. Гвоздь сказал, что это заказ спонсоров организации, уважаемых людей. Но заказ ведь не главное. Важно то, чтобы чёрным показать, где их место. Ночной клуб с дебильным названием «Жара» – логово дагеров. Там они собирались. Святое дело разгромить этот обезьяний клуб и отхреначить всех, кто под руку попадётся. Нефиг делать им на русской земле, пускай валят в свой вонючий Дагестан!

Клёвая должна была стать акция, а для Антона клёвая вдвойне, ведь он рассчитывал доказать Гвоздю и пацанам из «Нового рассвета», что он, Мелкий Клаус, не шестёрка, а до-

стойный патриот. И никто тогда больше не будет шпынять его и называть чмошником.

И сам Гвоздь уважает!

Да, уважение заслужить нужно. А это не просто, если ты в неонационалистической организации «Новый рассвет» самых хилый. Да и ростом не вышел. Гвоздь Мелкого Клауса даже не замечал. Оно и понятно, Гвоздь лидер, крутой парень, с ним местные бандюганы за руку здоровались, а с мэром города и с другими шишками он в ресторане ужинал. Его внимания, и уж тем более уважения, не каждый достоин.

И вот шанс – акция. Это не на футбольном матче лозунги выкрикивать, или громить какую-нибудь лавчонку на рынке, а настоящая мощная акция, о которой потом весь город гудеть будет!

Кастеты, цепи, биты – оружие! Праведный гнев сынов Перуна – сила и мощь! Цель – гниды черножопые!

За Белую расу!

За новый рассвет!

Двадцать пять бойцов во главе с Гвоздём ворвались в ночной клуб...

И оказались в ловушке.

Это было предательство. Дагеров кто-то предупредил. Они ждали нападения!

И пошёл замес... Чёрные лупили пацанов битами, палили из травматика. Сломанные кости, кровища, вопли. Антон побежал к выходу. На пути оказался чёрный – щенок ещё.

Три удара ножом в живот – и щенок свалился на пол. Путь свободен.

Антон выскочил на улицу, ещё до конца не сознавая, что натворил. Он миновал парковку, пересёк шоссе и помчался к лесу. На опушке, задыхаясь, осмелился оглянуться.

За ним бежали. Трое!

Охваченный ужасом, Антон помчался в лес.

Бежать, бежать, бежать!

Но сил уже не было.

Он остановился, упёрся руками в ствол дерева. Голова кружилась от усталости, к горлу подкатила тошнота. Антон вспомнил лицо того парня, которого ударил ножом – почти детское лицо...

И тут его вырвало. Он блевал и блевал, горло обжигало желчью.

Наконец желудок успокоился. Антон огляделся, прислушался. Похоже всё тихо. Его больше никто не преследовал. И что теперь? Задав себе этот вопрос, он едва не разрыдался. Будущее теперь виделось ему в мрачном свете.

Антон опустился на землю и долго сидел среди палой осенней листвы, жалея себя и пытаясь составить хоть какой-то план действий. А потом он поднялся и пошёл сквозь лес, сам не зная куда.

Когда ночная темень только-только начала рассеиваться, Антон вышел на опушку. Впереди простиралось поле, среди которого, объятая утренним туманом, стояла деревушка.

Настроение улучшилось. Даже возникла оптимистическая мысль, что всё наладится. Антон шутливо вскинул руку в нацистском приветствии и произнёс с усмешкой:

– За новый рассвет.

Не чувствуя ног от усталости, он побрёл к деревне.

Странная это была деревушка. Всего тринадцать почти одинаковых изб, расположенных кругом. А в центре находилось что-то крупное, размером с грузовик. Это «что-то» было плотно заботливо накрыто зелёным брезентом. Ни заборов, ни подворий, ни хозяйственных построек и огородов. А избы аккуратные, с двускатными крышами и резными наличниками на окнах.

Над странностью деревни Антон долго не размышлял, да ему по большому счёту было плевать. Пить хотелось ужасно, да и в желудке урчало. Вода и еда – вот главная забота, а все вопросы потом.

Он поднялся на крыльцо ближайшей избы, постучал. Спустя минуту дверь открыла старушка в цветастом платочке, возле её ног тёрся толстый полосатый кот.

– Привет, бабуля, – сказал Антон. – Мне бы это... водички попить. Заплутал я.

Старушка смерила его внимательным взглядом.

– Заплутал?

– Ага.

– Ну, тогда проходи, сынок, в дом, – со сдержанным радушием пригласила она. – Проходи, не тушуйся.

Уж тушеваться он точно не собирался. Прошёл в избу по-хозяйски, как к себе домой. Сразу же почуял какой-то лекарственный запах и аромат свежего хлеба.

– Садись, сынок, за стол, – предложила старушка. – Сейчас я тебе кваску налью. А может, покушать хочешь?

– Очень хочу, бабуля.

– Меня Серафима Павловна зовут.

– Антон.

– Антошка значит. Ну-ну...

Через минуту-другую на столе перед гостем стоял кувшин с квасом, миска с кашей, лежал большой ломоть хлеба. Антон мигом опустошил полкувшина и принялся за еду. Серафима Павловна уселась по другую сторону стола.

– Исцарапанный весь, – заметила она. – Тебя что, волки драли?

Антон отмахнулся.

– Фигня. Через кусты лез. Поцарапался.

– Ну-ну... – Серафима Павловна улыбнулась с хитринкой.

Не переставая жевать, Антон осмотрелся. Средневековая какая-то обстановка была в избе. Ничего современного. Хотя нет, на лавке возле печки стоял радиоприёмник. А в остальном, всё допотопное. Пучки трав висели под потолком, гирлянды сушёных грибов. Стены украшали чёрно-белые фотографии в массивных рамках, в основном портреты.

– Странная у вас деревня, – сказал Антон, прежде чем сунуть в рот очередную ложку каши.

– А что странного? – удивилась Серафима Павловна. – Деревня как деревня. Тут только бабки живут. Тринадцать таких же как я бабок. А это что у тебя на шее, сынок? Никак знак поганый?

Антон хмыкнул и коснулся пальцами вытатуированной на шее свастики, краешек которой выглядывал из-под ворота спортивной куртки.

– Это символ солнца, бабуля.

– Ну-ну... свастика это. Ты что, сынок, фашист?

Антон разозлился.

– Я сын Перуна! Патриот. Я за белую расу.

– Скинхед, – сделала вывод Серафима Павловна. – Слышала я о таких как ты. Не на луне чай живу, газеты читаю, радио слушаю. А я ведь партизанила, фашистов била. Все бабки в деревне партизанили.

– И что с того? – сердито уставился на неё Антон.

– Стыдно тебе должно быть, сынок. Предков своих ты предал, когда знак поганый на шее намалевал.

Антон бросил ложку в миску.

– Это мне-то должно быть стыдно?! Да что ты, старуха, вообще понимаешь? Если бы не такие как я, черножопые давно бы уже Россию заполонили!

– Ну-ну... – спокойно сказала Серафима Павловна. – Кровь на тебе, парень. Свежая кровь. Я чувствую. Доедай и убирайся. Тут таким как ты не рады.

Она поднялась из-за стола и покинула избу. Антон злобно

сплюнул на пол. Вот тебе и отдохнул. А ведь действительно придётся сваливать. Останешься – старухи такой вой поднимут. В полицию позвонят, если сотовый телефон имеется. Нет уж, сейчас ему шум не нужен.

Он нервно отпихнул миску, побарабанил пальцами по стулу. И тут его взгляд наткнулся на книгу. Она лежала на подоконнике и выглядела древней, а значит ценной.

Антон встал из-за стола, подошёл к подоконнику, открыл книгу. Знаки какие-то оккультные, письма на непонятном языке. За сколько можно загнать такой фолиант? Это же настоящий раритет, причём в хорошем состоянии.

Взяв книгу, Антон ещё раз лихорадочно оглядел убранство избы. Ни единой иконы. Жаль. Придётся довольствоваться тем, что есть. Ну а теперь – дёру, пока старуха не вернулась!

Он направился к выходу. Кот на лавке выгнулся дугой, зашипел. Дверь распахнулась, в дом вошла Серафима Павловна.

– Так ты ещё и вор! – она подняла руку и сдунула в лицо Антона какой-то порошок. – А ведь мог просто уйти!

Антон чихнул. Перед глазами потемнело. Он выронил книгу, а потом и сам рухнул на пол, потеряв сознание.

Серафима Павловна обошла все избы, собрала всех старушек. Вместе они сняли брезент с громадной печи посреди деревни, принесли дрова. Действовали споро, весело.

Когда печь растопили, раздели Антона и вынесли его из избы, положили на большой противень, принялись натирать его солью, специями, поливать маслом.

– Маслица, маслица не жалей! – смеялась какая-то старушка в круглых очках. – Люблю с корочкой.

– И перчика побольше! – вторила другая, горбатая.

Антон очнулся, но не смог даже пошевелиться. Он лишь моргал и слабо шевелил губами.

– Ну что, сынок, – похлопала его по щеке Серафима Павловна, – доигрался в фашиста? Передавай привет Гитлеру.

Старушки, весело подначивая друг дружку, по специальным рельсам закатили противень на шесток и впахнули в жаркие недра печи. Закрыли заслонку. Антон выпучил глаза и всё же нашёл в себе силы заорать.

Пир старушки устроили прямо на улице – постелили на траве покрывала, принесли посуду, сделали салаты и гарнир к мясу. Ели с аппетитом, пили самогонку. А потом взялись частушки петь и отплясывать. Весёлый получился пир, гуляли до самого вечера.

Перед закатом, захмелевшие, сытые, старушки разошлись по домам. А ночью, когда вышла полная луна, избы вдруг заворочались, закричали, поднялись на мощных птичьих лапах и неспешно зашагали по полю прочь. В конце этой процессии на паучьих кривых ногах ковыляла печь.

Звёзды сияли.

Где-то в лесу ухал филин.

Лёгкий ветерок шелестел осенней листвой, ветви покачивались, будто прощаясь с уходящими вдаль избушками.